

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Этот раздел *SR* посвящен событию, отозвавшемуся среди многих специалистов по русской литературе «от Пушкина до Пастернака» – 15 мая 2024 года исполнилось 80 лет Лазарю Соломоновичу Флейшману.

По книгам Лазаря Флейшмана филологи наблюдают за вдумчивой и акрибической реконструкцией обширных, порой едва известных пластов интеллектуальной истории, следуя за ним по маршрутам первооткрывателя архивных источников. Трудно охватить исследованные Лазарем Флейшманом имена и факты, позволяющие воссоздать огромные пространства культурной традиции. Они включают в себя (вынужденно ограничимся несколькими вехами его научного творчества) и наследие Бориса Пастернака, и его рецепцию в эмиграции, и эпистолярные свидетельства о «русском Берлине» (в сотрудничестве с Робертом Хьюзом и Ольгой Петровной Раевской-Хьюз), и неожиданного в своем разнообразии Льва Гомолицкого, и мастеров провокаций с «евразийским соблазном», и галерею inferнальных журналистов коллаборационистской прессы, и заветный пятитомник по истории рижской «Сегодня», в соавторстве с Юрием Абызовым и Борисом Равдиным.

Постоянно обращаясь к трудам Лазаря Флейшмана, его сотоварищи по историко-филологическому цеху не ищут юбилейных дат, чтобы оставаться с ним в диалоге, вести многолетний *Zwiesgespräch*. И поэтому на сей раз, через пятнадцать лет после выхода в свет столь полифонического сборника „*Vademecum*” (сост. и ред. Андрей Устинов), мы хотим в рамках нашей небольшой рубрики поместить несколько публикаций в знак выражения *LF* признательности, симпатии, дружбы. Мы надеемся, что такое воссоединение на страницах „*Slavica Revalensia*”, журнала, издаваемого Таллиннским университетом, вручившим Лазарю Флейшману степень *Dr honoris causa*, будет еще одним, действенным

знаком преодоления нашего разделения в пространстве, еще одним звеном идущей через поколения связи.

Завершим наше вступление словами Кэрил Эмерсон, направленными одному из редакторов этой рубрики с разрешением на их публикацию: “Lazar Fleishman has contributed to many fields, but in itself this is not unusual: Russian literature scholars of his generation are polymaths. What is remarkable is the ability to re-create a person (Pasternak, for example) in such a thoroughly open-ended, polyphonic fashion, seen from the inside and the outside, over many years – so that the person constantly appears new, alive, unresolved. It’s the closest a scholar can come to bestowing the type of immortality that continues to surprise and sustain us.”

*Федор Поляков,
Григорий Утгоф*